43. ОТЦЕВСКІЙ СУДЪ.

Такое жъ странное дѣло, какъ разсказали мы о дядѣ съ племянникомъ, было въ Олонецкой губерніи промежъ отца и сына. Богъ и царь простили старика, а судъ и міръ оправдали.

Старика этого звали Сидоромъ и было у него четверо сыновей. Второй сынъ, Иванъ, съ малыхъ лѣтъ отъ рукъ отбился. Бывало какая бѣда ни случится на деревнѣ, то ужъ такъ и знаютъ, что это Сидоровъ Ванька. Парню всего годовъ восемь было, когда ни собакѣ смирной, ни поросенку, ни овцѣ, ни птицѣ дворовой отъ него спуску и проходу не было: камнемъ, такъ камнемъ, дубиной, такъ дубиной — почемъ ни попало, такъ и душитъ. Раза два было его собака загрызла, которая не стерпѣла побоевъ его, такъ что насилу отняли; сѣкли его, почитай день за–день; отецъ бѣдный не наплачется, не наплатится за проказы Ваньки — а все не уйметъ. Однимъ, бывало, только и

возьметъ, какъ засадитъ его на недѣлю подъ замокъ, въ подклѣть; а какъ выпуститъ, такъ и новыя проказы.

Когда Ванька подросъ, поумнѣть не поумнѣлъ, а вошелъ во всѣ года, такъ не стало житья отъ него никому, всѣ люди проклинали его и боялись, какъ злодѣя. Не пройдетъ онъ мимо дѣвки либо молодки, чтобъ ее не обидѣть; а мужъ, либо братъ, либо сторонній добрый человѣкъ вступится, такъ онъ тотчасъ и на кулаки и, пожалуй, на ножъ готовъ. Не было на деревнѣ ни парня, ни мужика, ни бабы, чтобъ Ванька не далъ имъ какого браннаго прозвища; на кого за что осерчаетъ, такъ ужъ ночи спать не станетъ, а гдѣ нибудь подстережетъ, да изъ–за угла ошеломитъ — и поди, ищи на немъ. А какъ разъ мужикъ поймалъ его у себя въ клѣти, да связали его, да привели съ поличнымъ и наказали больно, то онъ ночью забрался во дворъ къ этому крестьянину, да скотину у него хуже волка перепортилъ: пересѣкъ у двухъ коровъ топоромъ поджилки — и пропали коровы, скорѣе ихъ прирѣзали.

Терпѣлъ міръ долго, жалѣючи отца Иванова, старика Сидора, да ужъ не стало силы, ни терпѣнья. Стали говорить въ голосъ, что такъ–ли, сякъ–ли, а сбыть его надо. Посадили въ колодку, поклонились начальству — да мірскимъ приговоромъ и сдали его въ солдаты — тогда только, и отдохнули.

Прошло года съ полтора, какъ вдругъ у одного мужика, который въ тѣ поры больше всѣхъ стоялъ передъ міромъ на томъ, чтобы сдать Ваньку въ солдаты, какъ у этого мужика загорѣлось ночью на задахъ. Погорѣлъ мужикъ, а съ нимъ еще и сосѣди, и никто не могъ догадаться, отчего бы могло загорѣться въ нежилой клѣти. Всю ночь народъ остался на ногахъ, и прошла вдругъ молва, что кто–то видѣлъ на пожарѣ Ваньку Сидорова. Кто видалъ, гдѣ видалъ, стали допытываться — и нашли человѣка, который говоритъ, что точно видѣлъ. Испугались мужички мои на смерть, благодарятъ старика Сидора за такое сокровище, такого сына — и ума не приложатъ какъ тутъ быть.

Прошло дня два — приходитъ пастухъ вечеромъ домой, пригнавъ стадо, да и говоритъ, что выходилъ къ нему изъ лѣсу Ванька, взялъ у него хлѣба, да наказывалъ приносить еще: коли принесешь, такъ не трону ни тебя, ни скотины; а не принесешь — тебя убью и всю скотину перепорчу. А на деревнѣ, говоритъ, скажи, чтобъ не трогали меня и не искали, не то сожгу всѣхъ, какъ сжегъ того, кто меня выдалъ. Пусть всякъ себя знаетъ и бережетъ; пусть высылаютъ мнѣ только хлѣба съ тобою, да не замаютъ меня, такъ и я ихъ не трону.

Перекрестились мужички, и головы повѣсили. Почесавъ затылки, поплакавшись на это наказаніе, да натолковавшись досыта, стали однако высылать Ванькѣ хлѣба съ пастухомъ, чтобъ не сжегъ деревни. Такъ Ванька себѣ и жилъ сколько-то времени, этой деревни не трогалъ, а воровалъ по сторонамъ. Прослышалъ, однако, объ немъ исправникъ, пріѣхалъ, распросилъ обо всемъ, какъ и что было, собралъ народъ, да

и посадилъ засаду около того мѣста, гдѣ указалъ пастухъ. Ванька вышелъ за хлѣбомъ — оглянулся, осмотрѣлся — никого не видать; подошелъ, да сталъ говорить съ пастухомъ — а тутъ народъ съ двухъ сторонъ выскочилъ на него и окружили. У Ваньки ножъ въ рукахъ и дрягалка; однако не споро стало ему бороться супротивъ міру, и его скрутили.

Сдали Ваньку опять съ рукъ и перевели духъ; — все стало смирно, спокойно, да только опять не на долго. Опять прошла молва — и Богъ вѣсть, отколь она взялась — что Ванька тутъ; и вся деревня такъ и взвыла волкомъ. Не прошло трехъ дней, какъ сгорѣлъ тотъ мужикъ, который перелобанилъ Ваньку, когда его брали. Съ пастухомъ принуждены посылать еще двоихъ дюжихъ мужиковъ, съ дубинками, а одинъ боится итти, да и то со страхомъ пасли стадо и не смѣли уснуть. Такъ ходили они цѣлую недѣлю, самъ–третей, да отдыхали на открытомъ мѣстѣ, посмѣнно.

Немного погодя, Ванька еще было поджогъ старосту, да спасибо, скоро

захватили. Сбилъ съ ногъ весь народъ — не то караулить, не то работать — не стало мочи совсѣмъ. Вотъ пастухи, распустивъ стадо въ лѣсу, разошлись врознь искать скотину; глядь — одинъ изъ нихъ и сталъ носомъ къ носу съ Ванькой. Опѣшалъ пастухъ такъ, что снялъ шапку, ровно передъ исправникомъ, да и стоитъ. Не бойсь, сказалъ Ванька, дай хлѣба! Тотъ отдалъ весь, сколько было. Послушай, сказалъ Ванька, чай вамъ надоѣла такая жизнь — да и мнѣ, признаться, надокучила; несподручно вамъ со мной воевать. Скажи жъ ты своимъ старикамъ, и скажи всѣмъ, коли хотятъ мириться со мной, такъ мириться — да только чуръ безъ обману: я прятаться не стану, пусть ловятъ, коли хотятъ, да ужъ за то, какъ ворочусь въ третій разъ, такъ попомнятъ они мое слово: всѣхъ выжгу и перерѣжу!

Опять пошло Ванькѣ житье: народъ испугался, и ужъ такой страхъ напалъ, что никто на него руку не подыметъ. Нашлись и такіе, что изъ боязни давали ему знать, когда выѣдетъ исправникъ; такъ, что этотъ

бился, бился — ничего не сдѣлаетъ; соберется народъ, пройдетъ облавой по лѣсу — а Ванька, ровно заговоренный какой, тутъ же между понятыми пройдетъ, и никто его не видитъ. Хлѣба надо — вынесутъ; а по ночамъ смѣло и самъ приходилъ въ деревню, подойдетъ къ любой избѣ, стукнетъ въ окно, ему и подадутъ, чего хочетъ, напоятъ и накормятъ, только отойди съ миромъ. А между тѣмъ сталъ онъ все смѣлѣй да смѣлѣй грабить по дорогамъ. Всѣ знаютъ, что это Иванъ, а никого нѣтъ, чтобы къ нему приступиться.

Между тѣмъ бѣдному старику Сидору не было житья отъ проклятій. Ты-де породилъ, тебѣ и держать его въ рукахъ; а не училъ, пока поперегъ лавочки лежалъ, такъ когда во всю вдоль вытянулся — не научишь.

Наѣхалъ опять исправникъ, потому что Иванъ проѣзжаго купца ограбилъ, и отъ начальства пошли строгія приказанія, чтобъ хоть живаго, хоть мертваго, достать его; вотъ исправникъ созвалъ стариковъ,

толковалъ съ ними долго — тѣ не знаютъ, какъ и быть. Намъ, батюшка, съ домами, да скотомъ, да съ дѣтьми, отъ него не въ лѣсъ уйти — мы у него въ рукахъ, завсегда. Два раза сдавали мы его вамъ на руки — кто за третій поручится? А онъ, откуда ни уйдетъ, опять здѣсь будетъ. Коли порѣшить его на мѣстѣ — такъ, чай, ни у кого рука не дрогнетъ; а нѣтъ, такъ власть ваша: не знаемъ какъ и быть.

Тогда исправникъ позвалъ отца Иванова, Сидора, и сталъ говорить съ нимъ глазъ на-глазъ: какъ хочешь, старикъ, терпѣть нельзя больше никому; а взяться за дѣло это, кромѣ тебя, некому. На роднаго отца онъ руки не подыметъ; ты впередъ, другіе пойдутъ за тобой — долго ли еще этому грѣху быть?

Старикъ Сидоръ подумалъ, покачалъ головой, — и прошибла его слеза. Не пожалѣетъ онъ, сударь, отца — сказалъ Сидоръ — коли дѣло на то пойдетъ, я его знаю. Ну, да ужъ что будетъ, то будетъ — пусть на меня падетъ грѣхъ — только молчите, не сказывайте никому.

На лѣтняго Ивана, рано утромъ, Ванька подкрался къ деревнѣ, осмотрѣлся и подошелъ прямо къ отцовской избѣ. Стукнулъ онъ въ оконце, отошелъ посреди улицы и оглядывался, чтобъ не захватили его въ расплохъ, зная, что опять недавно наѣзжалъ исправникъ. Отецъ выглянулъ: что скажешь?

Когда–то я въ этотъ день былъ имянинникъ — молвилъ Иванъ, — и самъ тяжело вздохнулъ — такъ вотъ я и пришелъ, не накормите ль чѣмъ, ради праздника: пріѣлся что–то мнѣ сухой хлѣбъ.

Отецъ поглядѣлъ на него молча — поди, сказалъ онъ, садись, да поѣшь. Я въ избу не пойду, отвѣчалъ Иванъ, нашему брату тамъ не мѣсто; а коли будетъ милость твоя, такъ вынеси на задворки — я тамъ поколѣ побуду.

Отецъ вынесъ ему на лужайку вина и пирогъ; Иванъ, не вѣря и родному отцу, стоялъ поодаль и говоритъ: поставь тутъ, пожалуста, да ступай съ Богомъ въ избу. Отецъ ушелъ, а онъ принялся ѣсть.

Сидоръ пришелъ въ избу, сталъ противъ ружья своего, которое висѣло на стѣнѣ, и долго на него глядѣлъ; потомъ сталъ припоминать, какъ онъ не такъ давно еще убилъ изъ него бѣшенаго волка; перекрестившись молча, старикъ снялъ ружье со стѣны, осмотрѣлъ, исправно ли оно, взялъ его подъ полу, вышелъ въ задніе вороты на лужайку и пошелъ твердымъ шагомъ прямо на разбойника.

Ванька пересталъ ѣсть — сидитъ смирно и глядитъ, будто ждетъ, что–то будетъ. Отецъ подошелъ и, выстрѣливъ въ упоръ, убилъ сына на мѣстѣ. Сдѣлавъ это, Сидоръ закинулъ ружье свое въ озеро, пошелъ и самъ объявилъ объ этомъ начальству.

Судъ оправдалъ Сидора, а міръ, при повальномъ обыскѣ, сказалъ въ голосъ, что принимаетъ грѣхъ и отвѣтъ на свою душу.